

ЭГОЦЕНТРИЗМ КАК ЭСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПРИ ВЫРАЖЕНИИ НАПРАВИТЕЛЬНОСТИ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

*Работа представлена кафедрой черкесской и абазинской филологии
Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор З. Х.- М. Ионов*

Статья посвящена актуальной проблеме адыгского глагольного словообразования – влиянию на выражение направительных отношений такого экстралингвистического фактора, как эгоцентризм говорящего. Эгоцентризм говорящего выражается в основном превербом **къ(ы)**-, от наличия или отсутствия которого зависит направление действия, выраженного глаголом.

The article is devoted to the relevant problem of the Adyghe verbal word-formation – influence of a speaker's egocentrism as an extralinguistic factor on expression of directing relations. Egocentrism of a speaker is expressed basically with the help of the preverb «**къ(ы)**». Direction of the action expressed by a verb depends on presence or absence of this preverb.

Обосновывая необходимость включения «категории лица в число компонентов, составляющих понятие предикативности» в адыгских языках, З. И. Керашева пишет: «Соотнесение содержания высказывания с объективной действительностью производится говорящим. Он находится в позиции информатора... Адыгские языки имеют специфические средства для выражения позиции информатора. К ним относятся, например, превербы направления... Направление действия определяется позицией говорящего, точнее, информатора, автора высказывания: адыг.: *Къэсыгъ* “(Он) прибыл” (туда, где находится информатор); *Къалэм нэсыгъ* “(Он) прибыл в город” (туда, от информатора)... Позиция говорящего, информатора пронизывает всю систему адыгских языков»¹.

Направительную функцию преверба **къ(ы)**- следует рассматривать как отражение эгоцентризма языка в передаче пространственно-направительных отношений. Как отмечает К. А. Габуния, «местоположение или направление движения предмета, временная оценка того или иного явления в языке определяются по двум призна-

кам: а) эгоцентризм (каждое явление характеризуется говорящим, говорящий стоит в центре представленного им в языке реального мира); б) ситуативность (каждое явление рассматривается в конкретной данной ситуации, применительно к говорящему)»². Именно такое отношение говорящего к описываемому событию заключено в превербе **къ(ы)**-. Например: *Апхуэдэурэ... Луащхьэ щыгум къихъэжауэ, Аслъэнбий шым къ-е-цэтэ-х-а-ш, Хъэшиэт къы-з-д-ри-хьэ-х-ри* – «Так, когда они выехали на вершину холма, Асланби свалился с коня, ставив вместе с собой и Хаишат». В выделенных словах – глаголе и деепричастии соответственно – преверб **къ(ы)**- содержит именно значение «сюда», к говорящему, тогда как значение «вниз» передается другими средствами. Это означает, что говорящий ставит себя «в центр представленного им в языке реального мира». Именно под таким углом зрения рассматривает Е. З. Кумехова предикаты типа *дэжын* «выбегать» и *къыдэжын* «выбегать сюда», давая им следующую прагматическую интерпретацию: «...предикаты *дэжын* и *къыдэжын* ставят в центр описываемой ситуации субъект речи,

ориентируя описываемое действие по дей-ксису субъекта»³.

Можно утверждать, что в кабардино-черкесском языке нет глаголов движения, нейтральных по отношению к направленности действия. Кроме того, в глаголе содержится информация о местоположении всех участников описываемого события.

Исследуемый материал показывает, что в кабардино-черкесском языке способом выражения направлений «туда» и «сюда» в основном является наличие или отсутствие преверба **къ(ы)**-. Например: *Нак1уэ, Ком угъурлыжъ, уэри ды-къы-зэры-зэпрыпха-м хуэдэу, Инжыдж ды-зэпры-хы-ж* – «Пойдем, добрый Ком (кличка коня. – А. К.), как ты перенес нас **сюда** через Инжыдж, перенеси туда обратно...»; *Жеипэф1 хуэдиз ичауэ Мадинэ къызыцыуащ. Зы-зэ-п-и-гъазэ-иц-зы-къы-зэ-п-и-гъазэ-ж-ри, и гум къызырищ1ым щ1эдэ1уащ* – «Через некоторое время Мадина проснулась. Повернулась (туда) – повернулась сюда обратно и прислушалась, как сердце дает о себе знать». В этих предложениях противопоставленность **къ(ы)**-нулю проявляется нагляднее, так как в одном высказывании одновременно присутствуют различные формы глаголов, в которых противоположные направления выражены именно наличием и отсутствием преверба **къ(ы)**-. В первом предложении это слова *дыкъызырыпрыхам* (инфинитный глагол) – *дызэпрыхыж* (финитный глагол), во втором предложении – *зызэпигъазэц* (аорист) – *зыкызыпигъазэжри* (инфинитный глагол).

В языке широко используются и формы высказываний, в которых противоположные направления выражены именно превербами **къ(ы)**- и **н(ы)**-. Например: «*Мыхэр мыбы къыцысак1э, мыгувэу ди лъахэми нэ-сынууш*», -- *хуэму къригъхэжъащ Джэрий* – «Если они дошли сюда, то скоро дойдут и туда до нашего края», – тихо начал Герий; *Сэ къызылэ1ут езым къы-б ж-и-мы-1э-ф-ы-р сэ ны-б-жы-з-и-гъэ-1э-ну* – «Он просил меня сказать тебе то, что он сам не мог сказать».

Однако противопоставление **къ(ы)**- и **н(ы)**- в выделенных словах стало возможным в силу того, что эти превербы выполняют и словообразовательную роль, т. е. без участия превербов невозможно образование данных глагольных форм.

Преверб **къ(ы)**- с направительным значением чаще всего сочетается с основами динамических глаголов. Однако **къ(ы)**- входит и в основы статических глаголов, при этом его направительная семантика затемняется и он приобретает оттенок другого значения – локального: *къы-цысын* «сидеть рядом», *къы-къуэтын* «стоять за углом рядом». Мы говорим «оттенок», а не «значение», исходя из следующего положения вещей. В приведенных выше статических глаголах, по нашему мнению, преверб **къ(ы)**- все же имеет значение ориентированности к говорящему. Например: *...Нам1эху «ммм» ф1экла къыжъэдэмык1уу 1уэбжэм къы-1утиц* – «Белолобая (кличка коровы. – А. К.) мычит и стоит (букв.: стоит сюда) у калитки загона»; *Мэл хуушэр хуак1уэу джабэм к1эрытт, башыр щ1эгъэкъуауэ хуушэм къыхэплъэу 1уащхэм къытетт л1ыжъ къуэгъу к1ыхъ* – «Отара овец паслась на склоне горы, опираясь на посох и всматриваясь в отару, на холме стоял высокий худой старик» (букв.: стоял наверху сюда).

Выделенные в этих предложениях глаголы показывают, что преверб **къ(ы)**- в словоформах статических глаголов выражает отношение говорящего к действию, отношение именно пространственно-направленного характера. В данных предложениях это отношение более прозрачно, потому что контекст подчеркивает направленность действия в сторону говорящего. В первом предложении слово *1уэбжэм* – «калитка» показывает косвенный объект, который расположен между позициями субъекта действия и говорящего. Если заменить в этих предложениях словоформы *къы1утиц* и *къытетт* соответственно на *къы1ууащ* – «стал сюда к...» и *къытеуащ* – «стал сюда (наверх)», иначе говоря, слово-

форм динамических глаголов, то, разумеется, направительное значение преверба **къ(ы)**- будет более прозрачным, однако все пространственно-направительные отношения между субъектом действия и субъектом речи в этих предложениях останутся неизменными.

Таким образом, основы статических глаголов затемняют, ослабляют направительную семантику преверба **къ(ы)**-. То, что направительное значение преверба **къ(ы)**- сохраняется в сочетании с основами статических глаголов, подтверждается, на наш взгляд, также тем фактом, что основы этих глаголов включают в себя и локативные превербы. Более того, корни этих основ являются связанными и без локативных превербов не функционируют. Как известно, в адыгском глаголе одновременно «не может быть двух аффиксов одного порядка»⁴.

Общеадыгский преверб **н(ы)**-, выражающий направление действия от говорящего к собеседнику, как словообразовательный аффикс менее продуктивен. Тем не менее этот преверб проявляет тенденцию к утрате своего этимологического направительного значения, что оказывается характерным явлением для всех направительных превербов, и эта тенденция ведет к расширению словообразовательных возможностей **н(ы)**-. Так, в некоторых случаях преверб **н(ы)**- кроме направительного значения содержит и другие значения – совместности, приглашения к совместным действиям. Например: *Наклуэт, машинэм н-и-тлысхэ-т* – «Пойдем-ка, садись (туда) в машину»; *Н-а-клуэ, ди анэм дыбгъэдыхъэнш*, – *жреIэ Къэрэжан* – «Пойдем, подойдем к нашей матери, – говорит Хамадбий Каражан (женщине)»; *Наклуэ, Салюсь, унэмкIэ н-е-благъэ* – «Пойдем, Салих, заходи (туда) в дом». Во всех этих предложениях глагольные словоформы с **н(ы)**- имеют значение приглашения по направлению «туда» от говорящего. Причем позиции и говорящего, и собеседника совмещены, и из этой

позиции исходит действие. Скорее всего, здесь нужно говорить не о совместности действия, а о том, что место, к которому направлено действие, является общим для говорящего и адресата, или об общем для них направлении. Однако в большинстве случаев преверб **н(ы)**- употребляется в ситуации, когда говорящий и адресат разведены в пространстве и действие направлено от говорящего к адресату. Например: *«Салихъ, сэры сынэклэнуц шкIахъуэ»*, – *жилэри Хъэсин си ужь иту ныскIэлъыцIэ-кIац* – «Салих, я тоже пойду (туда, к тебе) пасти телят», – сказал Хасин и вышел за мной; *Къуцхъэхъум мыгувэу ды-нэ-кIуэ-ну-ц, тхыль нэ-т-шэ-ну-рэ* – «Скоро приедем (туда, к вам) на горные пастбища и привезем (туда, к вам) книги». Необходимо отметить одну особенность, характерную для данной речевой ситуации. Как видно из приведенных примеров, глагольные словоформы с превербом **н(ы)**-используются в репликах при диалоге. Значит, говорящий и собеседник находятся в одном месте, видят друг друга. Тем не менее в речи отражена разнесенность собеседников в пространстве, которая существовала до момента речи. Другими словами, говорящий мысленно как бы возвращает собеседника на его прежнее место и «направляет» действие от себя к тому месту. Например: *Дэ ды-ны-ф-кIэлъы-кIуэ-ну зыдгъэхъэзырти* – «Мы ведь собирались поехать вслед за вами (туда, где вы были)».

В адыгейском языке преверб **н(ы)**- менее продуктивен, чем в кабардино-черкесском. Здесь **н(ы)**- функционирует в двух случаях: 1) в форме призыва, приглашения «туда», например: *«Зы мэзышхо горэ мыцIулъ...НекIо тыгъаклуи лэуцыцIы горэ тфэ-укIфмэ тихын нахъ гъаблэ тегъалIэ»*, – *ыIуагъ Акъбэчым* – «Здесь есть большой лес... Пойдем (туда) и, если сможем подстрелить дикую козу, съедем, а то умираем от голода», – сказал Акбеч; 2) при образовании глагола *нэсын* – «достигает туда» и его различных форм, например: *Сыдэу хъу-*

ми, кызыщезжагъэм н-и-гъэ-сы-жъы-н – «Как бы то ни было, доведет до места, откуда отправилась». В тех же случаях, когда кабардино-черкесский глагол включает в себя преверб **н(ы)-**, адыгейский глагол обходится без него. Ср.: адыг. «*Сыолъэлу... сыхъатныкъо горэм сэ сычъыецит, ащ нахыбэрэ сымыгъэчъый*», – *ылуи Пшъэшъэжъ-пшъэшъэшлу гъолыгъ*» – «Я тебя прошу, я посплю полчаса, не давай мне спать больше», – сказала Хорошая Дева и легла»; каб.-черк. *Иджыри сы-н-о-лъэлу укъыздэ/эпыкъуну* – «Еще раз прошу тебя помочь мне».

И в кабардино-черкесском языке наличие преверба **н(ы)-** в таких словоформах, как *сыноуэ* – «я бью тебя», *сынолъэлу* – «я прошу тебя», *сыножъэ* – «я жду тебя», на первый взгляд не совсем мотивировано, так как члены того же парадигматического ряда образуются без этого преверба: *сывоуэ* – «я вас бью», *сыволъэлу* – «я вас прошу», *сывожъэ* – «я вас жду». По-видимому, в тех случаях, когда объект глагола стоит во втором лице единственного числа, преверб **н(ы)-** заменяет, замещает соответствующий показатель этого лица. Это на синхронном уровне. Исторически же, как можно полагать, преверб **н(ы)-** в приведенных словоформах появился по аналогии с глаголами типа **сы-н-о-плъэ** – «я смотрю туда, в твою сторону», **сы-н-о-жэ** – «я бегу туда, к тебе», в которых функционирование **н(ы)-**

связано с его направительным значением. Видимо, в эпоху своего самостоятельного развития адыгейский язык избежал такого использования **н(ы)-** по аналогии, что привело к ограничению словообразовательных возможностей данного преверба. В результате этого в адыгейском языке имеются формы *сы-о-лъэлу* вместо кабардино-черкесского *сы-н-о-лъэлу* – «я тебя прошу», *сы-уа-о-мэ* вместо каб.-черк. *сы-н-о-уэ-мэ* – «если я тебя ударю». А в кабардино-черкесском языке в основном имеются формы с превербом **н(ы)-**. Например: *Сэ уэ блэк/ла луэху ихъэк/лэ сыноуиц/ыркъым* – «Я тебя не спрашиваю о прошедших делах»; *Азэмэт, мыдэк/лэ къак/луэ, сэ мыбдеж сыныщожъэ*, – *жызо/лэри согуо*. – «Азамат, иди сюда, я жду тебя здесь», – я закричал. В выделенных словоформах преверб **н(ы)-** не имеет явно выраженного направительного значения.

Таким образом, выражение направительных отношений в адыгских языках связано с таким экстралингвистическим фактором, как эгоцентризм говорящего, информатора. Причем, как показывает исследуемый языковой материал, отражение этого фактора сопровождается многообразными морфологическими, морфонологическими и словообразовательными процессами в сложнейшей структуре адыгских глагольных словоформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Керашева З. И. Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси, 1984. С. 11–12.

² Габуня К. А. Основные закономерности отражения пространственных и временных отношений в картвельских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1989. С. 93.

³ Кумехова Е. З. Опыт прагматической интерпретации предикатных слов типа *дэжын* – *кы-дэжын* // Вопросы грамматики и лексикологии кабардино-черкесского языка. Майкоп, 1984. С. 116–122.

⁴ Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. 4.1. М.; Нальчик, 1964. С. 151.